

В. Н. Топоров

Исследования
по ЭТИМОЛОГИИ
и сЕманТИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

В. Н. Топоров

Том 4

**Балтийские
и славянские
ЯЗЫКИ**

Книга 1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 811
ББК 81.2
Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 06-04-16071

Топоров В. Н.

Т 58   Исследования по этимологии и семантике. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 1. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 416 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

ISBN 978-5-9551-0388-4

Настоящий том состоит из двух книг и включает исследования по балтийским и славянским языкам с доисторических времен до наших дней. На основе сравнительно-исторического и этимологического анализа раскрывается широкая картина мифологических, религиозных и бытовых воззрений балтийских и славянских народов в их генетической связи с духовной культурой древних индоевропейцев. Много внимания уделяется межэтническим контактам балтов и славян друг с другом и с сопредельными народами. Ряд статей посвящен происхождению отдельных слов и выражений в древних и новых языках.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0388-4

9 785955 103884 >

© В. Н. Топоров (наследники), 2010
© Языки славянских культур, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Балто-славянские этимологии

Из истории балто-славянских языковых связей: <i>анчўтка</i>	7
Балто-слав. * <i>karv-</i> и * <i>deiv-</i> & * <i>karv-</i>	23
Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (<i>Coccinella septempunctata</i>) в перспективе основного мифа	31
Древняя Москва в балтийской перспективе	57
Об одной латышско-славянской конструкции с участием * <i>rad-</i>	113
Tradition mythologique lettonne et * <i>Vel-</i> en balto-slave (un fragment du «mythe principal»)	120
Балто-славянское * <i>lab-</i> как благопожелание	130
Еще раз о названии <i>Волга</i>	138
Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива)	154
Еще раз о «севернорусской» <i>литве</i> и ее мифологизированном образе	168
Балтийские и славянские данные о бобре в мифологической перспективе (опыт реконструкции)	185
К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери * <i>Zemja</i> & * <i>Mātē</i> (<i>Mati</i>)	241
Из балто-славянской лексикологии. I	372
Из балто-славянской лексикологии. II	386
Первые публикации статей	413

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

ИЗ ИСТОРИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ: АНЧУТКА

В ряде предыдущих статей автору этих строк приходилось высказываться о характере и хронологии взаимоотношений балтийского и славянского языковых элементов, в частности, в тех областях, где балтийский этнический слой давно исчез или даже не засвидетельствован (строго говоря) исторически. К таким областям принадлежат, между прочим, обширные восточнославянские территории (прежде всего в их западной части). Поэтому, не повторяя сказанного раньше, в видах правильного понимания последующих рассуждений уместно подчеркнуть, что термин «балтийский» применительно к указанной территории (как, разумеется, и к некоторым другим — периферийным по отношению к области распространения современных балтийских языков) ни этнически, ни лингвистически не противопоставляется термину «славянский». Однако соотношение «балтийский» и «славянский» не теряет от этого свой смысл, но реализуется оно в иной перспективе — исторической и стадияльно-типологической. Таким образом, оказывается целесообразным говорить, с одной стороны, о «Baltica» Подмосковья, а с другой — о «Slavica» Прибалтики. Не случайно, что в отношении ряда территорий (включая западную часть восточнославянских областей приблизительно по линии Псков — Тверь — Москва — Тула — Курск — Чернигов) для анализа одних и тех же фактов допустимо и оправданно обращение к двум перспективам — балтийской и славянской. Более того, теоретически и практически необходимо настаивать на том, что такие территории, применительно к которым используются толкования в духе обеих указанных перспектив, представляют собой ареалы, где происходила или даже до сих пор происходит (пусть затухая) дифференциация балтийского и славянского элементов или, говоря точнее, перерастание одного в другой, переосмысление балтийских языковых фактов

как славянских, конкретно — великорусских. Если сказанное верно, то лингвистическая ситуация, возникшая в бассейне Верхнего Днепра, в Подмоскowie и в смежных частях бассейна Оки и, несомненно, существовавшая еще во второй половине 1-го тысячелетия нашей эры (и, видимо, кое-где удержавшаяся до более позднего времени), как раз и отражает то, что можно назвать локальным вариантом балто-славянского языкового единства, в котором уже были ощутимы тенденции к дифференциации — лингвистической и этнической. Хочется думать, что подобный вывод имеет отношение как к пониманию балто-славянской проблемы в существенно более раннюю эпоху, когда будущие носители славянской речи выделились из бесспорно балтийского этнического и лингвистического массива, так и к интерпретации тех актуальных процессов, которые имеют место и сейчас на территории Дзукии или Латгалии.

В связи с этими соображениями вопрос о балтизмах в русских говорах, ставший столь популярным в самые последние годы (ср. прежде всего исследование Ю. А. Лаучюте), может принять совершенно иной облик. Дело в том, что до сих пор балтизмы, как правило, рассматриваются как относительно позднее явление и во всяком случае вне проблемы этнической истории периферийных балтийских племен и их дальнейших трансформаций. А между тем типология балтизмов на восточнославянской территории такова, что, говоря о них, вовсе не обязательно предполагать обычную двучленную ситуацию — заимствуемое и заимствующее. Возможно, что такое соотношение лишь дань традиции, безусловно оправдывающей себя в несколько иных условиях, но в данном случае едва ли вполне применимой. Если бы за этим соотношением не стоял этнолингвистический переход (балтийский → славянский, конкретно: русский, белорусский и под.), то, может быть, балтизмы в восточнославянских диалектах и не рассматривались бы как заимствования по преимуществу. Во всяком случае здесь автор хотел бы привлечь внимание к возможности принципиально иного понимания восточнославянских балтизмов, а именно: в русских говорах балтизмы, строго говоря, не являются заимствованиями; здесь они у себя дома; они не нововведение, а архаизм; сами по себе они неподвижны относительно разных языковых комплексов, но вокруг этих уцелевших архаизмов балтийской речи языковая среда изменилась настолько радикально, что они из части материка превратились в островки и в силу этого стали восприниматься в совершенно ином топосе. Остается только добавить, что эти соображения находят поддержку не только в лингвистических, но и в археологических, исторических, фольклорно-мифологических, этнокультурных фактах, на основе которых уже сейчас можно говорить о формировании «здравого смысла», заставляющего именно так истолковывать проблему балтизмов в восточнославянских говорах.

* * *

Слово *анчутка*, немногочисленные его варианты и связанные с ним другие слова принадлежат к числу архаизмов балтийского происхождения (см. об этом ниже), вросших в восточнославянский диалектный словарь.

Само слова *анчутка* с относительно точной локализацией засвидетельствовано несколько десятков раз¹: в Псковской губ., Тверской губ. (Жорчевский уезд), Смоленской губ., Калужской губ. (в Мещовском и Тарусском уездах), в Тульской губ. (в частности, в Дубенском и Крапивненском уездах), Рязанской губ. (в Рязанском, Зарайском, Касимовском, Скопинском и Данковском уездах), Тамбовской губ. (в Борисоглебском, Кирсановском и Козловском уездах), Пензенской губ. (в частности, в Городищенском и Земетчинском уездах), Симбирской губ., Саратовской губ., Воронежской губ. (в Воронежском уезде), на Дону, в Орловской губ. (в Карачевском, Волховском, Севском, Троснянском уездах), Курской губ. (в Суджанском, Фатежском, Белгородском уездах), Сумской губ. (в Глуховском уезде), в Тверской губ. и Тифлисе — на юге, в Оренбургской губ., на Урале и в Тобольской губ. — на востоке. Словообразовательные варианты (включая и случаи искажений под влиянием народной этимологии) отмечены в Псковской губ. (*анчута*, *анчиюд*), в Калужской губ. (*анчут* Мосальский уезд), в Смоленской губ. (Смоленский и Дорогобужский уезды) и Калужской губ. (Жиздринский уезд) (*анчутик*), в Орловской губ. (*анчушка* Дмитровский уезд)². О распространении этих слов см. подробнее с х е м у. Разумеется, этот перечень не полон и скорее отражает общие пределы существования этих слов, нежели лингво-географические детали. Тем не менее бросается в глаза, что, исключая явно поздние и в какой-то степени случайные примеры из русских говоров Кавказа, Урала и прилегающих к нему территорий, ареал распространения слова *анчутка* и его ближайших вариантов очерчивается линией Псков — Тверь — Рязань — Воронеж — Курск, к которой с востока и отчасти с юга примыкают области с отдельными анклавами, в которых отмечено указанное слово. Западную границу распространения слова *анчутка*, по имеющимся данным, можно провести по линии Псков — Смоленск — Севск.

Основной круг значений слова *анчутка* включает следующие семантические спецификации:

1. 'Черт', 'бес', 'нечистая сила' (ср. такие примеры, как: *В бане видели чертей, банных анчуток, кикиморами что прозываются; Штоб тебя анчутка стрескал, ишь как напужал; Анчутка тебя забери; Пойди-ка ночью в лес, там тебя анчутка схватит; Не ругайся на ночь, анчутка приснится; Допился до анчутков; Вот погоди, анчутка придет, возьмет тебя; Ровно ему анчутки таскают (= помогают); Анчутка ее*

знает; *Что же, те две анчутки не брыкаются; Анчутка, кобель, гойник, всю рубашку изодрал; Эй, вы, анчутки, куда вас несет такую рань.* СРНГ I, 162—163; *Тип'ер' вот нь удавл'ин'ику ан'ч'утк'и катáйуццъ; Каму скалдуйут, в'ал'ат' лутавьи хр'асты д'эльт', к каму ан'ч'утк'ь л'атáит', лутóвыи хр'асты пънав'эшъйут'. Он пр'ил'ат'йт': У-у, скóра дъгадалас'! Мы фс'е нь з'амл'е ан'ч'утк'и ход'им, токъ рагоф н'ет.* Слов. Деул., 46; *Собралися в баню анчутки, мурмули и курдупики и говорят: «Ну-ка, мурмуль, паиграй, ну-ка, курдупики, — паскач!»... Добров. Смол., 11; Порешили, что это анчутки над ними подыграли³; Им, анчию дам, жаль.* Псковск. обл. слов. I, 66 и т. п.);

2. 'неряха', 'грязнуля' (*Ходит как анчутка; Вымазался как анчутка; Да ты погляди на себя, ты анчутка; Вышел как анчутка.* СРНГ I, 263);

3. 'бедный, несчастный человек' (см. СРНГ I, 263);

4. 'баловень', 'баловник' (см. СРНГ I, 263);

5. бранное слово (*Ох, ан'и н'ил'уд'имаи, скупьи, ан'ч'утк'и, с'н'эуа камок н'и выспрас'иши; А поп, ан'ч'утк'ь, н'а стал служыт'; Майá кур'ица у т'иб'á ап'ат' нь сушиль'и с'н'аслас', во ан'ч'утка-ть; Рыс' еть ан'ч'утк'ь, ѓвар'ат', л'уд'ей йес'т'* Слов. Деул., 46 и под.).

Именно эти значения указывают словари и некоторые другие работы (обычно этнографического характера), где упоминается об *анчутке*. Легко отметить, однако, что эти значения не что иное, как попытка описывающего определить и подытожить основные случаи словоупотребления этой лексемы. Действительно, указанные значения в принципе не противоречат описаниям *анчутки* и позволяют с большей или меньшей приближенностью понять соответствующие выражения. Тем не менее большинство постулируемых значений суть очень приблизительные контекстные варианты общего значения, которое в весьма сильной степени уже стерлось или даже вовсе утратилось. Не случайно, что приводимые выше значения 2—5 могут пониматься как единое отрицательное (иногда в относительно сильной степени, гораздо чаще — в более слабой — пренебрежительно-фамильярной, почти семейно-бытовой форме⁴) обозначение, выступающее именно как бранное или пренебрежительное слово. Значение 1 ('черт', 'нечистая сила') бесспорно в том смысле, что в соответствующих примерах *анчутке* приписываются те же предикаты, что и черту и некоторым другим видам нечисти. Вместе с тем само это значение слишком экстенсивно, чтобы довольствоваться им при попытке разрешения всех неясностей, связанных с происхождением слова *анчутка*.

А между тем совершенно ясно, что слово *анчутка*, балансирующее где-то на грани между сферами апеллятивности и имени собственного, обозначает представителя некоего класса существ, принадлежащих к нечисти,

или сам этот класс (отсюда — нередкое употребление этого слова именно во множественном числе: *допился до анчутков; анчутки катаются* и под.). Определить, какова специфика класса «анчуток» среди других категорий нечистой силы, — значит открыть путь к дальнейшим разысканиям в истории этого слова. К счастью, записан ряд выражений и определений, которые делают правдоподобным заключение о принадлежности *анчутки (анчуток)* к тому классу нечисти, который связан с водой и в то же время обладает способностью летать. Характерно, что связь с водой лучше всего сохранилась на периферии. На основании примеров, собранных в станицах Терской области, М. А. Караулов дает следующее определение: «*анчутка* — водной, страшилище, живущее в реках и прудах; им пугают детей»⁵; другие, еще более несомненные примеры ср. ниже. В этой же связи уместно упомянуть два наиболее частых словосочетания, в которых участвует слово *анчутка* (кстати, смысл этих словосочетаний не всегда ясен и чаще всего весьма приблизителен и для самих информантов), — *анчутка беснятый (беснятая)* и *анчутка роговая (рогастая)*. Вот лишь некоторые из примеров: *Анчутка беснятый, анчутка беспалый*. СРНГ I, 262; *Анчута, сять ты лучче, беснятая*. Псковск. обл. слов. I, 66; *Анчутка беснятый*. Болх. Орл.⁶, Максимов⁷, Шейн⁸ и т. п. (ср. рассказ Погосского «Анчутка беснятый»)⁹; *Нон'и ка мн'е пр'ишла [кошка], ан'ч'утка р'ява'я, м'лако в'л'ила...*; *Ан'ч'утка р'ява'я, д'йав'л акай'аннай, л'аз'иши ы л'аз'иши н'я г'арот... прал'ик т'иб'е р'ишиб'и [курице]; Вз'ал'и каку'иу замыч'ку [пить водку]! Ан'ч'утк'и раг'астыи!* [ругает сыновей]. Слов. Деул., 46; ср. *анчутка беснятый, рогатый, пралик...* Максимов. Указ. соч., 4 и др. К мотиву летанья анчутки ср. выше: *...х каму ан'ч'утк'ь л'ат'аит'...* *Он пр'ил'ат'ит...* и т. п. И, наконец, еще одно существенное уточнение: анчутка чаще всего представляется существом мужского пола (ср. согласовательную связь этого слова) и небольшого размера (ср. суффикс *-утка, -утик, -ушка* и отнесение слова — в ругательствах — к мелким животным: к кошке, курице и т. п. или к чертенятам и даже детям). В свете приведенных примеров правдоподобно предположение о териоморфности анчутки, конкретнее — о ее сходстве с водоплавающими птицами ('вода' и 'летать').

На этом этапе целесообразно обратиться к словам, которые этимологически, несомненно, связаны с *анчутка*, но по сравнению с *анчутка* сохраняют еще один элемент (*-бал-, -бил-, -бул-* и под.), который как раз и дает возможность для окончательного решения вопроса. Речь идет о словах русск. *анчйбал, анчйбил, анцйб'ал, анцйб'ул, анчйбалка; анчйболит*; укр. *анцйбол, анцйболит, анциболотник, анциболотський* и под. Эти слова — с более точной документацией — отмечаются довольно редко¹⁰. Тем не менее они отмечены в Псковской (Островский уезд), Владимирской (Переяславский уезд),

Орловской (Дмитровский, Карачевский, Кромский, Троснянский уезды), Курской (в частности, в Обоянском уезде) губерниях, неоднократно на Дону, наконец, на Украине, что отмечается целым рядом словарей как общего, так и диалектного характера (см. схему). Словари, фиксирующие эти слова, с надежностью указывают значения 'болотный черт', 'водяной', 'дьявол', 'сатана'. Два последних значения несомненно индуцируются значениями таких слов, как русск. *антіхрист*, *анчіхрист*, *аниіхрист* (СРНГ I, 262—263; Псковск. обл. слов., 166 и др.), укр. *анціхрист* (Гринченко I, 8 и др.)¹¹, которые, кстати, видимо, объясняют место ударения в *анчібал*, *анцібал* и под. Поэтому первоначальными значениями приходится, естественно, считать 'болотный черт', 'водяной', что и отражено в народно-этимологических образованиях типа *анці-болот*, *анци-болотник*, оживляющих внутреннюю форму слова (ср. другие названия того же персонажа — русск. *болотник*, *багник*, укр. *болотянік* 'черт, живущий на болоте'¹², не говоря о многочисленных параллелях из других традиций)¹³. И хотя из разных видов скрещения слова *анчутка* и слов типа *антіхрист* возникли многочисленные гибридные образования, многие из которых являются несомненными инновациями, сильно затемняющими старое положение вещей¹⁴, укр. *анціболот*, *анциболотник*, *анциболотський*, будучи сопоставленными с русск. *анчібал*, *анцібал* и т. п. — через *анчіболит* (< *анчиболот), приносят решающие доказательства в пользу предлагаемого ниже объяснения слова *анчутка* и в опровержение старой этимологии¹⁵.

Формы типа *анціболот*, *анциболотник*, несмотря на свое исключительное эвристическое значение, не выглядят как старые слова. Актуализируя более старый семантический компонент ('болото'), они, конечно, уступают в древности формам типа *анчібал*, *анцібал* и под. (*анчи-бол), которые и были, собственно говоря, «исправлены» интерпретацией *-бал-* как части слова *болото*. В таком случае русск. *анчібал* точно соответствует лит. *ánčiabalis* 'утиное болото' (*bala, kur antys esti: Vanagas užpuolė antys ánčiabalyje*. Vpn.; *Buvau ánčiabalyje pažiūrėti ančių*. Kb. см. LKŽ I, 131); ср. лит. *ántis* 'утка' (прусск. *antis*), *antukas* (ср.: *Ántys čia, o antukai sau po balq turškia*. LKŽ I, 177), *antukytis*, *añtikas* и под. и многочисленные примеры с *anč-* (см. ниже) — в связи с первым членом литовского сложного слова и лит. *balà* 'болото' (лтш. *bala*¹⁶, прусск. названия *Balowe*, *Balyngen* и под.) — в связи со вторым членом. Таким образом, лит. *ánčiabalis*, входя в ряд других *composita* с первым членом *ančia-* (*ánčiaduobė*, *ánčiagonis*, *ánčiagūztis*, *ánčialovis*, *ančiāpalaiķė*, *ánčiapautis*, *ančiasnāpis* и т. д.¹⁷), отличается от *анчібал* только тем, что обозначает место (с детерминативной связью между первым и вторым членами), тогда как *анчібал* обозначает лицо, связанное с этим местом ('тот, кто относится к утиному болоту', 'болотник' *ánčialalinis,

*ančiabalininkas). В этом случае *анциболотник* точно воспроизводило бы семантические отношения в исходном сложном слове.

Развитию именно такого значения в *анчібал* не могло не способствовать и то, что некогда это слово сохраняло живые связи со словом *анчутка*, которое, представляя собой деминутив от первого члена слова *анчібал*, является как бы результатом семантического «стяжения» более полной структуры — *анчй-бал* (при этом *-утка* могло совмещать в себе как значение уменьшительности, так и значение указания на «стяженность», ср. *путевое удостоверение* > *путевка* и под.). Само же слово *анчутка*, *анчута* и т. п. естественно соотносится с литовскими названиями утёнка, маленькой уточки — *ančiūtė*, *ančiukas* (ср. *ančiðkas*. LKŽ I, 132). Своим суффиксом русск. *анч-утка* как бы суммирует представленные порознь словообразовательные возможности этого корня в литовском: *-ūt-* и *-uk-* > *-utk-*. Вместе с тем не исключено, что в определенных условиях *анчутка* могло восприниматься как двуязычное тавтологическое ('переводимое' — 'переводящее') слово — *анч & утка*, т. е. 'утка' (лит.) & 'утка' (русс.). В свете указанного выше сопоставления объясняются и некоторые уже отмеченные характеристики анчутки — уменьше летать, эпитеты *роговая*¹⁸ и *беспятая*¹⁹. Вместе с тем эти же свойства присущи и черту, в частности водяному; ср. *рогатость* водяного в представлении жителей Смоленской губ.²⁰ и *беспятость* черта, у которого пятки были откушены собаками, направленными на него Богом (ср. рязанск. *беспятый* 'черт', укр. *безп'ятий*, *безп'ятко*, *Грицю безп'ятий* и под.). В связи с балтийским происхождением *анчутка*, *анчібал* и под. можно вернуться к уже процитированному выше отрывку, записанному в Смоленской губ. (об Анчутике, Мурмуле и Курдупике). Все три персонажа, обозначающие разные виды нечисти, имеют имена балтийского происхождения. Об *Анчутике* см. выше. *Курдупик*, конечно, не отделим от лит. *kurdūpelis* (ср. одинаковое положение ударения), но взятого не в его основном значении ('картофель')²¹, а в специализированном, отмеченном в целом ряде литовских говоров, — 'mažas, susitraukęs žmogus ar gyvulus' (ср.: *Šimo sūnus gal ir bus jau tokis kurdūpelis*. Lp.; *Šiomet tokie kurdūpeliai paršeliai teužaugo*. Up.; *Tokias kurdūpelius mergas dantim sukapotų*. Lei., см. LKŽ, 944). К *Мурмуль* ср. лит. *murmūlis*, *murmūlys* 'kas murmėdamas, neaiškiai kalba' (Ср.: *Ką tas murmūlis čia murma?* Vl.; *Nemurmėk, murmūli!* Skr., см. LKŽ VIII, 429): от *murmūlėti*, *murmūlioti*, *murmūliuoti* и под. (ср. вариант *burbūliuoti*, *burbūliuoti* и под.)²². Обозначение нечистого (и водяного, в частности) по издаваемым им звукам (между прочим, от соприкосновения с водой) принадлежит к числу весьма распространенных способов описания²³; то же относится и к уткам, как и ряду других птиц и животных²⁴. Таким образом, за последовательностью *Анчутик*, *Мурмуль*, *Курдупик* стоит что-то вроде лит. **ančiūtė* (*ančiukas*), **murmūlis* (*murmūlys*), **kurdūpelis*.

Приняв тезис о балтийском происхождении слова *анчутка* и под., нельзя не вернуться к вопросу о распространении этого слова на восточнославянских территориях. То, что это слово зафиксировано и там, где пока нет никаких оснований говорить о балтийском языковом слое (Тамбовская, Пензенская, Симбирская, Саратовская губернии), не должно смущать исследователя, поскольку существуют многочисленные примеры распространения бесспорных балтизмов именно в этих местах (а иногда — по преимуществу в этих). Более сложным может показаться вопрос, почему слово *анчутка* в западном направлении (на широтах Верхнего Днепра) доходит только до 33°—34° восточной долготы, т. е. не достигает фактически течения Днепра, и отсутствует, насколько можно судить по имеющимся данным, далее к западу, т. е. в западной половине Калужской, Орловской и Тверской губерний, в большей части Смоленской губернии, во всей Белоруссии, короче говоря, там, где балтийская речь держалась дольше и оставила по себе более многочисленные и очевидные следы. При этом следует заметить, что названия рек с корнем *Ant-/Anč-* хорошо известны как в этих районах (ср. лит. *Āncīa*, *Āncīupis*, *Antūtupis* и т. п.²⁵), так и далее к востоку (ср. *Уча*, п. п. Птичи, л. п. Припяти, из **Ančīa < *Ant-ja*²⁶) вплоть до Подмосковья (ср. *Уча*, л. п. Клязьмы²⁷), и, следовательно (хотя бы косвенно), свидетельствуют о наличии соответствующего апеллятива (*ántis*). Объяснение — по необходимости гипотетическое и основанное преимущественно на результатах исследования балтийской гидронимии на восточнославянских территориях — может состоять в следующем. Звуковой вид балтизмов (прежде всего гидронимических), как и особенности адаптации словообразовательных элементов (прежде всего суффиксов), существенно различен в Верхнем Поднепровье, с одной стороны, и к востоку от него, в Подмосковье, с другой стороны. Не вдаваясь в детали, многие из которых далеки от ясности, можно заметить, что правила фонетической адаптации в Верхнем Поднепровье более строгие и унифицированы, чаще и лучше сохраняются форманты, причем некоторые из них далее к востоку уже не отмечаются, обширнее круг лексем, используемых в гидронимии и они находят более непосредственные параллели в современных балтийских языках. Фонетическая адаптация балтийских гидронимов в Подмосковье более многообразна и прихотлива, с гораздо большим числом исключений и вариантов; суффиксы гидронимов чаще всего заменяются наиболее подходящими русскими формантами; круг балтийских формантов и корней гораздо уже; очевидно наличие финноязычных влияний. Естественно, что сейчас трудно дать удовлетворительное историческое объяснение этому различию; важнее, что оно несомненно. Возможно, что сюда же следует отнести и другое существенное различие, которому до сих пор не придавали должного значения. Речь идет о религиозно-мифологическом противопоставлении персо-

нажей, обозначаемых корнями **deiv-* и **vel-n-*, **vel-s-*, **vel-t-* и под. Если в балтийских областях и, видимо, по крайней мере отчасти, в примыкающих с востока восточнославянских областях первый корень использовался для обозначения положительного начала — Бога (ср. лит. *diēvas*, лтш. *dievs*), а второй — для обозначения отрицательного начала, антагониста Бога, — черта (ср. лит. *vėlnias*, лтш. *velns*), — то в восточнославянских областях (собственно на русских, преимущественно севернорусских территориях) положительное начало обозначалось через **vel-s-* (ср. *Велес*, *Волос*), а отрицательное — через **deiv-* (ср. *div*, *дивий* и под.). Иначе говоря, славяне, как и иранцы (ср. авест. *daēva*, совр. перс. *dēv* ‘демон’), изменили старое индоевропейское значение корня **deiv-*, тогда как их соседи балты и индоарийцы сохранили его. В условиях такого размежевания в культурно-религиозной сфере (в другой работе будут приведены еще многие примеры, говорящие в пользу этого мнения) естественно предположить, что оно затронуло и область низовой (почти бытовой) мифологии. В таком случае русские продолжатели балт. **ančūt-*, **anč-* & **bal-*, не имевших никакого пейоративного оттенка, могли приобрести его (*анчутка*, *анчібал*), при том, что оно не было перенесено на русск. *утка*. В областях, лежащих к западу, балтийское название утки, лишенное экспрессивного ореола, было вытеснено славянским (исключая гидронимию), что и объясняет — в конечном счете — отсутствие следов *анчутки* к западу от Верхнего Днепра²⁸ (интересно, что другой балтизм мифологического содержания *лаума* отмечен только в одной части Смоленской губ.).

Последнее, о чем остается сказать здесь, — причины, приведшие к тому, что название нечистой силы стало кодироваться через название утки. Выше уже указывалось, что и нечистая сила (особенно из разряда водяных), и утка в мифопоэтическом сознании описываются через ряд существенных общих атрибутов (рогатость, беспятость, характерные акузмы и под.). Особое значение имеет, конечно, тот факт, что и нечистый, и утка связаны с болотом (чему посвящены особые фольклорно-мифологические тексты)²⁹, а болото — вход в преисподнюю³⁰.

Наконец, еще более серьезное и, главное, непосредственное основание для соотнесения нечистого с уткой следует усматривать в их вхождении в одинаковую сюжетную схему. Эта схема рисует преследование героем своего противника или жертвы, при этом противник или жертва обладают способностью к превращениям. На высшем уровне, засвидетельствованном в мифологических преданиях, отчасти в сказках, герой воплощается в образе Бога-Громовержца (лит. *Perkūnas*, лтш. *Pērkons*), а противник — в образе черта (лит. *vėlnias*, лтш. *velns*), который последовательно превращается в целый ряд живых существ и неодушевленных предметов, например, в кошку, собаку, ворона, дерево, камень³¹. Особенно интересно, что черт в ряде случаев пре в р а -